

Повседневная жизнь работников Колтубанского фильтрационного лагеря

А. В. Латышев

Для цитирования: *Латышев А. В.* Повседневная жизнь работников Колтубанского фильтрационного лагеря // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2023. Т. 68. Вып. 2. С. 376–392. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.205>

В статье анализируются данные архивного фонда Колтубанского проверочно-фильтрационного лагеря Наркомата внутренних дел. Он действовал с начала 1942 по осень 1943 г. на западе Чкаловской (Оренбургской) области. В его задачу входила фильтрация советских военнопленных, вернувшихся из плена или находившихся на оккупированной территории. Лагерь отличался неудачным расположением, слабым снабжением и удаленностью от линии фронта. В статье с позиций социальной истории и в контексте современных знаний о других фильтрационных лагерях рассматривается повседневная жизнь работников лагеря. Выясняются личности начальников лагеря, источники набора рядовых сотрудников, их количество, образовательный уровень и гендерный состав. Во многом работники лагеря были близки узникам: принудительная мобилизация на службу, суровые материальные условия, желание попасть на фронт. Среди рядовых сотрудников поддерживалась высокая дисциплина, но регулярно происходили масштабные хищения, в основном осуществляемые теми, кто принадлежал к среднему звену управления. Москва посылала лагерям двусмысленные указания о требуемом отношении работников лагеря к узникам. Повседневные контакты охранников и заключенных в основном сводились к торговле и бартеру. Случаи агрессии и жестокости в документах не отражены, но почти нет сведений и о близких контактах с узниками. Начальник лагеря постоянно конфликтовал с другими причастными к работе лагеря людьми: особым отделом, комиссаром и прокурором. Трения возникли по причине неопределенного статуса фильтрационных лагерей и неясности в приоритетах выполняемых ими задач. Особый отдел не только охранял свою самостоятельность в фильтрации, но и претендовал на главную роль в управлении всем лагерем. Прокурор пытался не только заставить считаться с собой, но также стремился выйти за рамки выполнения своих функций. Комиссар хотел на равных с начальником лагеря решать все вопросы и внести изменения в режим содержания узников, что превратило бы фильтрационный лагерь в подобие запасной воинской части.

Артем Валерьевич Латышев — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российская Федерация, 105066, Москва, Старая Басманная ул., 21/4; alatyshev@hse.ru

Artem V. Latyshev — PhD (History), Senior Researcher, HSE University, 21/4, Staraya Basmannaya ul., Moscow, 105066, Russian Federation; alatyshev@hse.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Реинтеграция бывших военнопленных в советское общество, 1942–1947 гг.» № 21-78-00024, <https://rscf.ru/project/21-78-00024/>

This work has been supported by the Russian Science Foundation grant no. 21-78-00024 “Reintegration of Former Prisoners of War into Soviet Society, 1942–1947”, <https://rscf.ru/project/21-78-00024/>

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2023

Ключевые слова: Вторая мировая война, советские военнопленные, НКВД, Смерш, фильтрация, прокуратура, комиссар, кадры, коррупция.

Everyday Life of the Staff in Koltuban Filtration Camp

A. V. Latyshev

For citation: Latyshev A. V. Everyday Life of the Staff in Koltuban Filtration Camp. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2023, vol. 68, issue 2, pp. 376–392. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2023.205> (In Russian)

The article examines the everyday life of the staff of Koltuban filtration camp. It operated from early 1942 to autumn 1943 in the west of the Chkalov (Orenburg) region. Its task was to filter Soviet soldiers who returned from captivity or who had been in the occupied territory. The article describes the identity of the camp commanders, the sources of recruitment of ordinary employees, their number, educational levels and gender composition. In many respects, the camp staff were close to inmates: forced mobilization for service, harsh material conditions, the desire to go to the front. Strict discipline was maintained among minor staff members, but large-scale theft and embezzlement was regularly carried out mainly by middle-ranking management. Everyday contacts between the guards and inmates primarily centred around trade and barter. Cases of aggression and cruelty are not reflected in the documents, neither are close contacts between the staff and the inmates. This article pays special attention to the tensions among the camp administration due to the uncertain status of the filtration camps. The special department not only maintained its independence in filtration but also claimed to play the main role in the management of the entire camp. The prosecutor sought to go beyond the boundaries of his functions. The commissar wanted to solve all issues on an equal footing with the head of the camp and make changes to the regime for inmates, which would turn the filtration camp into a kind of reserve military unit.

Keywords: World War II, Soviet POWs, NKVD, Smersh, filtration, prosecutor's office, commissar, staff, corruption.

Трагический опыт Второй мировой войны продолжает вызывать повышенный интерес к изучению мест лишения свободы. К ним относится и действовавшая в советском тылу в 1942–1949 гг. сеть проверочно-фильтрационных (до февраля 1945 назывались специальными) лагерей НКВД (далее — ПФЛ). Эти специфические пенитенциарные учреждения выполняли различные функции, хотя изначально создавались для так называемой проверки или фильтрации советских военнослужащих, прошедших вражеский плен либо проживавших на оккупированной территории¹. Целью этой статьи является реконструкция социальной стороны жизни сотрудников одного из таких лагерей — действовавшего в 1942–1943 гг. на западе Чкаловской (ныне Оренбургской) области Колтубанского ПФЛ.

Изучение повседневности работников лагеря помогает глубже понять не только специфику работы всей сети ПФЛ, но и других мест лишения свободы. Так, плохой сохранностью отличаются документальные комплексы типологически близких к ПФЛ лагерей ГУЛАГа, от большинства из которых остались данные преимуще-

¹ Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М.; СПб., 2016; Шевченко В. В. Деятельность лагерей специального назначения НКВД СССР в 1941–1946 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2010.

ственно только об их производственной деятельности². Обращение к кейсам отдельных мест лишения свободы важно и для решения теоретических задач. С их помощью можно модернизировать не всегда применимые к неевропейскому материалу³ концепции закрытых обществ (тотальных институтов)⁴, а также в иных условиях проверить универсальность выводов, сделанных в ходе социологических экспериментов⁵.

Доступные историкам материалы о работе других ПФЛ позволили продвигаться в изучении социальной стороны фильтрации, в частности состава лагерных работников, их настроений и отношений друг с другом⁶. Однако материалы Колтубанского лагеря способны существенно дополнить наши знания по теме. Дело не только в уникальности условий этого ПФЛ: значительном удалении от фронта⁷, содержании большую часть времени ограниченного количества узников, плохого (по меркам других фильтрационных лагерей) снабжения и, несмотря на все это, продолжительное время работы лагеря. Документы хорошо сохранились и объединены в отдельный фонд⁸, что позволяет проследить связь определенных явлений лагерной жизни. Также они покрывают период 1942 — начала 1943 г., хуже всего обеспеченный материалами в фондах центральных архивов⁹. Наконец, в фонде лагеря оказались, помимо типичных отчетов политотдела о настроениях личного состава, и уникальные данные о конфликтах внутри аппарата управления.

Эти документы позволяют выяснить источники комплектования кадров лагеря, состав его руководства, проанализировать данные о состоянии дисциплины и настроениях работников НКВД. Отдельно нужно остановиться на конфликтах начальника лагеря с комиссаром, прокурором и особым отделом лагеря. Данные о работе других ПФЛ делают возможным выделить типовое и уникальное в жизни Колтубанского лагеря.

² Лейбович О. Л. Лагерный социум как объект исследования: источники и методологические подходы // Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память. М., 2013. С. 338–350.

³ Плампер Я. Гулаг Фуко // Звезда. 2004. № 8. С. 194–205.

⁴ Гоффман Э. Тотальные институты. М., 2019; Фуко М. Надзирать и наказывать. М., 2016.

⁵ Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М., 2018; Haslam S. A., Reicher S. D. Rethinking the psychology of tyranny: The BBC prison study // British Journal of Social Psychology. 2006. No. 45. P. 1–40.

⁶ Латышев А. В. Отношение сотрудников НКВД и работников промышленности к узникам фильтрационных лагерей, 1942–1945 гг. // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 595–608; Меситов Н. История, рассказанная фондом Р-1368. URL: https://www.urokiistorii.ru/school_competition/works/istorija-rasskazannaja-fondom-r-1368-prove (дата обращения: 20.08.2022); Обухов Л. А. Проверочно-фильтрационные лагеря как один из видов репрессий (на примере ПФЛ № 0302) // Пути к Победе. Человек, общество, государство в годы Великой Отечественной войны. М., 2021. С. 554–562; Шевченко В. В. Режим содержания бывших военнослужащих в спецлагерях в 1942–1946 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2010. № 2. С. 38–43.

⁷ Дислокацию всех ПФЛ см.: Карта советских лагерей. URL: <https://gulagmap.ru> (дата обращения: 20.08.2022).

⁸ Государственный архив Брянской области (далее — ГАБО). Ф.Р-2972. Управление Колтубанского специального лагеря № 252 Чкаловской области Наркомата внутренних дел СССР 1942–1943 гг. Оп. 1.

⁹ Латышев А. В. Работа фильтрационных лагерей НКВД в 1942 г.: влияние экономических факторов и ведомственных интересов // Вопросы истории. 2019. № 2. С. 36–48.

Кадровый состав и модели поведения

В штате лагеря всегда было относительно немного людей. При загрузке от 5 тыс. до 8 тыс. узников предполагалось иметь штат в 260 человек. На деле весной 1942 г., когда численность контингента достигла 10 тыс., весь аппарат вместе с вахтерами составлял 125 работников НКВД¹⁰. Поскольку такого большого количества узников в лагере после его разгрузки в дальнейшем не было, то не было и потребности в таком количестве людей. В сентябре 1942 г. штат лагеря составлял 104 человека, фактически работало 100¹¹. К 1 марта 1943 г. в лагере работали 67 человек, включая 9 женщин. По новым штатам лагеря, полученным в августе 1943 г., в нем должны были работать 79 человек. В конце этого месяца всех работников лагеря привели к присяге¹².

Реальное количество людей, привлеченных к работе в лагере, было больше. В отличие от прочих ПФЛ, лагерь всегда охранялся конвойными войсками НКВД, и содержать собственную вооруженную охрану (ВОХР) не было необходимости. Вне штата проходил занятый допросами бывших пленных особый отдел, а также прокуратура. В феврале — марте 1942 г. количество «обслуживающего персонала», для которого нужно было строить жилье, оценивалось в 540 человек¹³. Возможно, что лагерь учитывал нежелание Южно-Уральского военного округа выделять ресурсы на строительство и просил помещений больше, чем нужно. Жилье также было необходимо и членам семей работников, многие из которых эвакуировались с оккупированных территорий. Позже к ним присоединились и члены семей ряда ликвидированных летом 1942 г. ПФЛ: к 29 августа 1942 г. вместе с 8 сотрудниками прибыло 20 семей из Старобельского лагеря № 245 и Фроловского № 248¹⁴. В село Елшанка эвакуировались также 23 члена семьи работников НКВД из ПФЛ № 248, № 280 и неустановленного лагеря № 265 (ПФЛ с таким номером не выявлено)¹⁵.

За время работы Колтубанского ПФЛ в нем сменилось несколько начальников. С января по 9 октября 1942 г. им руководил старший лейтенант госбезопасности В. Л. Соколов. Фактически он был снят с должности приказом замнаркома НКВД В. В. Чернышова еще 15 сентября, и его сменил лейтенант госбезопасности Фролов. Во время частых командировок Фролова в город Чкалов лагерем фактически руководил его заместитель капитан госбезопасности М. Г. Межеричер, а после назначения последнего на должность начальника Славгородского ПФЛ № 0301 — капитан Петров. Майор П. Н. Крестьянинов, бывший руководитель Подлипкинского ПФЛ № 0303, принял командование лагерем уже после его переезда в Брянск.

Рядовой состав работников лагеря, направляемых на эту работу в принудительном порядке, также не отличался стабильностью. В 1942–1944 гг. за ПФЛ отвечало управление НКВД по делам военнопленных и интернированных (УПВИ).

¹⁰ Типовое расписание лагеря // ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 14. Л. 1.

¹¹ Штат лагеря на 1.9.1942 // Там же. Д. 19. Л. 12–13 об.

¹² Приказы начальника лагеря от 17 и 29.9.1943 // Там же. Д. 20. Л. 28–29 об, 33 об.

¹³ Постановление Военного совета Южно-Уральского военного округа от 26.2.1942 // Там же. Д. 15. Л. 42.

¹⁴ Сообщение начальника лагеря Соколова начальнику УПВИ Сопруненко, 29.8.1942 // Там же. Д. 20. Л. 31.

¹⁵ Список членов семей, прибывших по эвакуации из лагерей №№ 248, 265, 280 // Там же. Д. 7. Л. 160–160 об.

Однако первый начальник лагеря Соколов просил УПВИ не присылать рядовых сотрудников, так как всеми необходимыми кадрами его обеспечивали отдел кадров Южно-Уральского военного округа и запасные части¹⁶. Вывод оказался преждевременным: из 36 работников, присланных Бузулукским военкоматом, 8 оказались непригодны по состоянию здоровья, а 4 вообще не явились в лагерь. Выбытия людей по состоянию здоровья продолжились и в дальнейшем¹⁷. Новые работники периодически поступали из других лагерей НКВД. Помимо эвакуированных, вскоре после прибытия нового начальника Фролова в штат были зачислены работники лагерей № 62 и 264.

Подробные данные о кадровом составе имеются по состоянию на март 1943 г. Основная масса штатных рядовых сотрудников лагеря ранее работала или жила недалеко от Бузулука, а также в других районах Чкаловской области, близлежащих Башкирской АССР и регионов Казахской ССР. Другая группа находилась в Колтубанке в эвакуации: несколько человек ранее работали в Киеве, Виннице, Полтаве, Ленинграде и Ленинградской области, по одному приехали из Гомеля и Смоленска. Несколько человек прибыли из лагеря для военнопленных № 62 и исправительно-трудовой колонии в Усмани. Не все прибывшие из других регионов занимали ответственные посты, но в руководстве лагеря они явно преобладали по численности над местными. Говорить о клановости нет оснований, напротив, приехавшие из одного города были не из одного учреждения, а в лагере работали в разных частях администрации. Но, учитывая, какие лишения испытывали эвакуированные, логично было бы ожидать от них симпатии друг к другу и некоей консолидации, возможно даже на базе противопоставления себя рядовым сотрудникам из жителей близлежащих регионов¹⁸. В целом, судя по географии, штат набирался с большим трудом: по одному человеку прибыло также из Азербайджана, Узбекистана, Сталингорска и Москвы¹⁹.

Места предыдущей работы также отличались разнообразием: воинские части, колхозы и совхозы, заводы, эвакогоспитали и больницы. Заведующий складом ранее заведовал магазином в Киеве, дежурный комендант работал в средней школе в Полтаве, начальник финансовой части — в УНКВД в Виннице. Значительная часть занимавших ответственные должности (начальники отделов управления, начальник амбулатории, бухгалтер) имели высшее образование, среди рядовых работников (вахтеры, надзиратели изолятора) преобладали получившие низшее образование, некоторые работники были малограмотными.

Среди 67 сотрудников было 9 женщин. Трое из них занимали руководящие должности, связанные с медициной: начальника санитарного отдела, амбулатории и аптеки. Еще три женщины работали на должностях телеграфистки, делопроизводителя хозяйственной части и «обслуживающей управление лагеря». Три остальные сотрудницы проходили в списке личного состава как работницы подсобного

¹⁶ Сообщение Соколова в УПВИ // ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 17. Л. 5.

¹⁷ Приказы начальника лагеря, 1–3 февраля 1942 г. // Там же. Д. 2. Л. 1 об. — 2 об.

¹⁸ Единственный намек на напряженность по этой линии — высказывание одного из шоферов: «Обмундирование нам не дают, мы рвем свое, а кто сидит в тепле, им все выдают». См.: Отчет о политработе и политико-моральном состоянии среди личного состава за IV квартал 1942 г. // Там же. Д. 7. Л. 156 об.

¹⁹ Список личного состава лагеря на 1.3.1943 // Там же. Д. 23. Л. 12–13.

хозяйства²⁰. Очевидно, что в тяжелых условиях Колтубанского лагеря они испытывали еще большие, чем мужчины, бытовые сложности.

Распространенным явлением для фильтрационных лагерей уже в 1942 г. стал прием на работу прошедших проверку бывших пленных. В Колтубанке эта практика стала применяться только с весны 1943 г.: в апреле 14 человек взяли на должности вахтеров, в августе еще 14 стали возчиками, конюхами и шоферами. В ноябре 11 бывших пленных получили должности вахтеров и санитаров, а также более ответственные посты инспекторов хозяйственной части, комендантов зданий и заведующего клубом²¹. Один из бывших пленных с 1 августа даже был назначен надзирателем внутренней тюрьмы лагеря²².

Условия работы в лагере были лучше условий жизни в нем, но многие проблемы, такие как нехватка жилья и изоляция от внешнего мира, были общими и у охранников, и у заключенных. В самый тяжелый период зимы и весны 1942 г. начальник лагеря просил УПВИ «обязать облторг помочь... по выделению минимальных фондов на общественное питание семей, детей и самих сотрудников, находящихся в особых условиях и без карточек и на настоящий день полуголодные, без квартир и возможности куда-либо отлучаться из лагеря для самозаготовок»²³. Чуть позже он с еще большим драматизмом описывал жилищные условия: «полуголодные <...> вместе с телятами, ягнятами и получаемый сухой паек в силу отсутствия каких-либо условий делится пополам с хозяйками в вышеуказанных углах, с которыми мы и живем»²⁴. Тогда треть руководства жила на нарах вагонной системы, жилье для рядовых сотрудников искали за 7 км от лагеря. К концу марта для аппарата лагеря построили землянку барачного типа из 14 комнат²⁵. Видимо, в дальнейшем ситуация улучшилась, так как в более поздних отчетах жалоб на жилищные условия не было.

При том, что найм на работу был принудительным, а условия жизни суровыми, дисциплина среди личного состава лагеря держалась на относительной высоте. В сравнении с другими ПФЛ в документах Колтубанского лагеря редко фиксируется пьянство в рабочее время, а прочие проступки, вроде сгоревшего в бане белья, отлучки заведующего складом или оставления открытым шкафа с документами, не выглядят серьезными. Нежелание бухгалтера посещать занятия по строевой подготовке и его предложение вместо этого научить работников водить автомобиль выглядит даже комично²⁶.

При этом в документах зафиксированы случаи воровства. Как заявил в конце 1942 г. один из возчиков: «нас посадили на зарплату, а питание полуголодное, что нам остается, как не промышлять — воровать»²⁷. Однако мелкие хищения рядовых работников на страницы отчетов не попадали, приводимые в них случаи необыч-

²⁰ Там же.

²¹ Доклад о состоянии лагеря на 1.4.1943 // Там же. Д. 21. Л. 52–53 об.; Приказ начальника лагеря от 4.11.1943 // Там же. Д. 20. Л. 51.

²² Приказ начальника лагеря от 31.7.1943 // Там же. Д. 20. Л. 22 об.

²³ Справка о состоянии лагеря, 21.2.1942 // Там же. Д. 15. Л. 24–26.

²⁴ Сообщение начальника лагеря командованию военного округа, 8.3.1942 // Там же. Л. 32–35.

²⁵ Отчет о состоянии лагеря, 30.3.1942 // Там же. Д. 18. Л. 11.

²⁶ Приказ начальника лагеря, 7.7.1942 // Там же. Л. 137.

²⁷ Отчет о политработе и политико-моральном состоянии среди личного состава за IV квартал 1942 г. // Там же. Д. 7. Л. 156 об.

ны для ПФЛ организованностью и объемами. Уже в ночь на 14 февраля 1942 г. группа лиц сломала стену продовольственного склада и украла 77 кг печеного хлеба, в чем начальник лагеря подозревал своих подчиненных²⁸. Тогда же особый отдел выяснил, что складированные в близлежащем лесу дрова на трехтонной газогенераторной машине по ночам похищали два работника лагеря, увозя их, очевидно, для продажи в Бузулуке²⁹. В мае 1943 г. из лагеря дезертировали два экспедитора, один из которых до этого, изменив одну цифру в квитанции, не сдал Заготзерну 50 мешков муки³⁰.

Уникальным можно считать отражение в документах коррупции среди сотрудников среднего звена управления лагерем. Летом 1942 г. за хищения была арестована целая группа людей, связанных со снабжением: старший инспектор хозяйственной части и помощник начальника лагеря по этому вопросу, а также экспедитор и 2 кладовщика³¹. В жалобе рабочих начала 1943 г. на заведующего конным парком лагеря приводятся источники его незаконных доходов: вывоз соли и овса для лошадей некой «ухажерке» в Воронцовку для последующей перепродажи и поддержания отношений («иначе любить не будет»), скупка (очевидно, у заключенных лагеря) и перепродажа часов и других предметов, хищение инвентаря конного парка. Приводится и примерная выгода, хотя и не ясно, за какой период: пьяный начальник хвастался рабочим, что потратил 1000 рублей на «ухажерку», а 1000 рублей пропил³².

Другая часть работников лагеря не собиралась обустроить свою жизнь таким образом. С марта 1942 г. многие из них подавали рапорты об отправке на фронт. Помимо членов вахтерской команды (тогда еще не набравшейся из прошедших проверку), это мог быть и начальник хозяйственной части, заявивший: «я здесь нахожусь в глубоком тылу, мое место может занять человек, пришедший уже с фронта — имеющий ранение, а я здоров, и мое место там, на фронте»³³. В этом стремлении часть работников НКВД экзистенциально была близка к находившимся по другую сторону колючей проволоки бывшим пленным и окруженцам, требовавшим быстрой проверки и возвращения в строй³⁴.

Отношение советской пропаганды к военному плену отличалось двойственностью: в руки врага советскому солдату нельзя было попадать по морально-этическим причинам, но одновременно он должен был мстить врагу за смерть и страдания тех, кто в плену все-таки оказался³⁵. Связанные с фильтрацией также получали достаточно неопределенные сигналы о том, как относиться к узникам ПФЛ. Согласно требованию УПВИ, внеочередными донесениями нужно было сообщать

²⁸ Приказ начальника лагеря, 14.2.1942 // ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 2. Л. 17.

²⁹ Сообщение начальнику особого отдела лагеря, 5.8.1942 // Там же. Д. 6. Л. 2.

³⁰ Спецсообщение о случаях дезертирства сотрудников лагеря, 21.5.1943 // Там же. Д. 23. Л. 20–21.

³¹ Отчет о политработе и политико-моральном состоянии среди личного состава за III квартал 1942 г. // Там же. Д. 7. Л. 104–108.

³² Рапорт начальнику лагеря от рабочих конного парка, 1943 // Там же. Д. 23. Л. 29–29 об.

³³ Политдонесение за II квартал 1942 г. // Там же. Д. 23. Л. 18–21.

³⁴ *Латышев А. В.* «Счастлив тот, кто не попал сюда»: настроения и поведение военнослужащих Красной армии в фильтрационных лагерях НКВД, 1942–1945 гг. // *Российская история*. 2019. № 5. С. 59–74.

³⁵ *Berkhoff K.* *Motherland in danger. Soviet propaganda during World War II.* Cambridge, 2012. P. 120–122.

о «контрреволюционных выступлениях» и «антисоветских настроениях» узников, но тем же документом это предписывалось и в отношении самих работников лагеря³⁶.

В архиве Колтубанского лагеря сохранилась только одна инструкция УПВИ о политработе с бывшими пленными и окруженцами, датированная 18 февраля 1942 г. и отличавшаяся многочисленными внутренними противоречиями. Рядом с цитатой из речи И. В. Сталина еще на XVIII съезде партии («иностранный разведка будет засылать в нашу страну шпионов, убийц, вредителей») шло требование к политработникам «повседневное, все свое время находиться среди бывших военнослужащих, чутко реагировать на их запросы, не пропуская малейших фактов, учитывать настроения и анализируя их, держать повседневный контакт с особым отделом, систематически информировать Управление по вопросам политико-морального состояния бывших военнослужащих»³⁷. Из текста становится ясно, что среди попавших в ПФЛ следовало искать завербованных немецкой разведкой. Однако обвинения в шпионаже сформулированы крайне витиевато: «Немецко-фашистские изверги своим варварским обращением с попавшими в плен или окружение бойцами, командирами и политработниками, помимо классовой мести, преследовали и другие специальные цели и при наличии наименее устойчивых среди них, эти цели могли быть достигнуты. Не исключена возможность, что отдельные из бывших военнослужащих пошли на ничем не оправдываемый шаг — на время ожесточенных схваток — отсидеться. Эта часть, проявившая трусость, шкурничество, также не могла не стать объектом работы иноразведок. Исключительной большевистской бдительностью, упорной работой всего аппарата лагеря происки фашистской контрразведки (так в тексте. — А. Л.) нужно обезвредить»³⁸. Из текста следовало, что, с одной стороны, попавшие в ПФЛ не несли ответственности за сам факт плена или длительного нахождения в окружении. С другой стороны, часть из них могла «отсидеться», хотя ответственность за это предполагалась только в случае вербовки немцами. В целом получалось, что вину или невиновность каждого узника только предстояло определить в ходе фильтрации.

Дальнейшие указания УПВИ уже не напоминали о возможном наличии среди попавших в ПФЛ шпионов и диверсантов. В конце марта 1942 г. оно сообщало о контактах между охраной и «бывшими военнослужащими»: «недопустимых и позорных фактах» (продажа контингенту махорки и покупка у них за нее же вещей), грозящей за них «строгой ответственности вплоть до предания суду». При этом в тексте отсутствовало очевидное напоминание о наличии среди узников вероятных немецких агентов³⁹. В более поздних документах также выдерживалась эта линия.

Неудивительно, что руководство Колтубанского лагеря не знало, чего ждать от бывших пленных и как к ним относиться. В инструкции для начальника караула в начале 1942 г. рассматривалась возможность «беспорядков» и даже «открытого

³⁶ Директива политотдела УПВИ с установлением формы политдонесений, 29.1.1942 // ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2.

³⁷ Директива УПВИ спецлагерям № 28/1459, 18.2.1942 // Там же. Л. 3–4.

³⁸ Там же.

³⁹ Директива УПВИ спецлагерям № 28/3257, 30.3.1942 // Там же. Д. 17. Л. 51–51 об.

бунта спецконтингента»⁴⁰. В то же время врачей лагеря в марте 1942 г. ориентировали на рационально-гуманное отношение: «наше задание сохранить вверенных нам людей для фронта, борьбы с немецкими оккупантами, а для этого требуется от медперсонала нашего лагеря чуткий и советский подход к людям, добросовестное отношение к своим обязанностям»⁴¹. Заботу о людях не следует переоценивать — как и в лагерях ГУЛАГа, гибель лошади в Колтубанке, судя по объему документации, была недопустимым ЧП, а статус конского состава был гораздо выше, чем у бывших военнослужащих.

Ежедневно с заключенными контактировали не начальство, а рядовые работники лагеря. Часть должностей в санитарной части и на кухне, несмотря на привлечение туда с апреля 1943 г. самих бывших пленных, продолжали занимать работники НКВД. Чаще всего в контакт с заключенными вступали работники кухни и санитарной части, а также вахтеры, которые следили за порядком и периодически проводили обыски в помещениях. Зачастую они же вместо конвойных войск выводили людей на работу за пределы зоны. Свою службу вахтеры и конвоиры могли нести очень по-разному. Так, в документах зафиксированы случаи, когда двум охранникам была объявлена благодарность за то, что они застрелили пытавшегося сбежать из внутренней тюрьмы⁴², а также случай, когда один вахтер, выведя из зоны 15 узников, оставил их без охраны и пошел мыться в бане⁴³.

Вахтерская команда чаще всего фигурирует в сообщениях о «связи со спецконтингентом». Главной ее функцией в лагерном микромире была торгово-бартерная. По оценке особого отдела от октября 1942 г., вахтерскую команду «превращают в базар». Приводились и оценки доходности: вахтер Р. покупал табак в лагере и при выходе контингента на работы продавал по 15–20 рублей за стакан, в октябре ему удалось продать 35 стаканов. Вахтер З., также охраняя заключенных, работавших вне зоны, только за один день продал 60 стаканов по 12 рублей⁴⁴. Табак (махорка) был наиболее универсальной валютой: уже упомянутый вахтер Р. обменял свою шинель на шинель заключенного, доплатив ему 100 рублей и отдав три стакана табака, другой вахтер менял у узников мыло на махорку, а продавал им газеты для изготовления самокруток⁴⁵. За плату оказывались и услуги — начальник вахтерской команды был пойман на том, что в зоне кто-то за масло и хлеб отремонтировал для него патефон⁴⁶.

В теории заключенные не должны были контактировать с работниками хозяйственных служб лагеря, но на деле между ними также шли торгово-обменные операции. Так, в сентябре 1942 г. завхоз внутренней тюрьмы, член партии, обменялся гимнастерками с одним из арестованных⁴⁷. Тогда же на продаже табака в зоне попался пекарь, доход от торговли позволил ему купить у заключенного карманные

⁴⁰ Инструкция начальнику караула по охране лагеря, февраль 1942 г. // ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

⁴¹ Приказ комиссара лагеря, 14.3.1942 // Там же. Д. 2. Л. 56.

⁴² Приказ начальника лагеря, 15.7.1942 // Там же. Л. 2.

⁴³ Приказ начальника лагеря, 17.4.1943 // Там же. Л. 74.

⁴⁴ Донесение начальника особого отдела начальнику лагеря, 16.10.1942 // Там же. Д. 6. Л. 19.

⁴⁵ Приказ начальника лагеря, 28.3.1943 // Там же. Д. 4. Л. 68 об.

⁴⁶ Справка особого отдела начальнику лагеря, 19.7.1942 // Там же. Д. 6. Л. 47.

⁴⁷ Отчет о политработе и политико-моральном состоянии среди личного состава за III квартал 1942 г. // Там же. Д. 7. Л. 107.

часы за 1500 рублей⁴⁸. Чтобы заработать такую сумму, тому же вахтеру З. вне зоны нужно было торговать два-три месяца. Видимо, заниматься «спекуляцией» внутри лагеря было выгоднее, но и опаснее.

В рыночные отношения было вовлечено и гражданское население. В начале 1942 г. начальник лагеря сообщал властям, что местные жители скупают у заключенных казенные вещи, а также принимают у них письма⁴⁹. Несмотря на выселение жителей близлежащего поселка, в сентябре 1942 г. вахтер П., «охраняя контингент в подсобном хозяйстве, допустил в палатку постороннюю женщину и разрешил проводить обменные операции с контингентом»⁵⁰. Работники НКВД также не были изолированы от граждан: шоферы при перевозке муки из Бузулука подвозили людей за 35 рублей⁵¹. Сделки совершались и на более высоком уровне: руководство лагеря в конце лета 1942 г. имело «полученный незаконно скот в количестве 15 голов от рабочих и служащих», очевидно, также купленный или обмененный на что-то.

В сравнении с другими ПФЛ, материалы Колтубанки дают мало примеров регулярных контактов работников НКВД и заключенных, не завязанных на меркантильном интересе. Особый отдел сообщал, что вследствие превращения вахткоманды в торговую площадку «контингент устанавливает связи с вахтерским составом, а впоследствии это приводит к злоупотреблениям»⁵². Не ясно, что имеется в виду, не упоминаются даже типичные для других ПФЛ совместные выпивки. Тесная эмоциональная связь с узниками на материалах анализируемого архива прослеживается только в двух случаях. В сентябре 1942 г. особый отдел информировал комиссара лагеря о том, что ряд вахтеров «находящемуся контингенту в лагере и населению рассказывают об аресте и предании суду бывших военнослужащих, содержащихся в лагере. Кроме того, на оперативный состав особого отдела НКВД распространяется клевета о грубом, якобы, обращении с контингентом»⁵³. Заключенных предупреждали о том, что в ходе следствия на них могут надавить и довести до попытки побега или самоубийства, либо осудить по 58-й статье. Более практичную информацию сообщала заведующая клубом, которая, по данным особого отдела, «под видом работы в зоне лагеря установила интимные связи с некоторыми лицами из спецконтингента», а также «имеет отношения с содержащимися в лагере женщинами, в разговорах с которыми предупреждает их о себе не рассказывать, так как они находятся на проверке»⁵⁴.

Хотя компромат на руководство лагеря и его подчиненных искали комиссар, прокурор и особый отдел, в материалах фонда нет упоминаний о проявлении к «бывшим военнослужащим» сильных негативных эмоций. Выше приводились данные о привлечении заместителем начальника лагеря двух узников к работе на своем личном подсобном хозяйстве, где они убрали навоз и пилили дрова. Масштабнее были действия заведующего столовой, который «содерживал» деньги уз-

⁴⁸ Донесение особого отдела начальнику лагеря, сентябрь 1942 г. // Там же. Д. 6. Л. 8.

⁴⁹ Письмо начальника и комиссара лагеря председателю Бузулукского районного исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, 1942 г. // Там же. Д. 7. Л. 26.

⁵⁰ Донесение особого отдела начальнику лагеря, 15.9.1942 // Там же. Д. 6. Л. 46.

⁵¹ Приказ начальника лагеря, 17.7.1943 // Там же. Д. 20. Л. 19.

⁵² Донесение особого отдела начальнику лагеря, 16.10.1942 // Там же. Д. 6. Л. 19.

⁵³ Донесение особого отдела начальнику лагеря, 15.9.1942 // Там же. Л. 46.

⁵⁴ Донесение особого отдела комиссару лагеря, сентябрь 1942 г. // Там же. Д. 7. Л. 73.

ников. Видимо, он продавал людям еду, которая была положена бесплатно⁵⁵. В обоих случаях очевиден меркантильный интерес, не сопряженный с проявлением жестокости.

Конфликты в руководстве: сферы компетенции и видение задач

Материалы Колтубанского ПФЛ позволяют исследовать место в жизни лагеря людей, чья работа обычно оставалась незаметной. Так, направленный отделом кадров НКВД первый комиссар лагеря старший политрук А. И. Кривунец проявлял заметную активность, что уже весной 1942 г. привело к конфликту с начальником лагеря. В апреле Кривунец докладывал политотделу УПВИ, что «почти по каждому принципиальному вопросу с тов. Соколовым приходится иметь столкновение»⁵⁶, обвинял его в грубости к подчиненным, повышенном внимании к личному быту, случаях «разбазаривания» продуктов и материалов. В начале лета Кривунец просил прислать комиссию для раскрытия «преступных фактов со стороны ряда лиц и тов. Соколова, который прикрывает их»⁵⁷. Ожидаемых ответных обвинений в адрес комиссара обнаружено не было.

По-видимому, этот конфликт возник не на личной почве. В таких местах лишения свободы, как лагерь ГУЛАГа, не могло быть должности комиссара. Ее наличие роднило ПФЛ с воинскими частями и связывало их с политорганами Вооруженных Сил. Так, в апреле 1942 г. в Колтубанку прибыли старший батальонный комиссар и два батальонных комиссара для проведения среди бывших пленных лекций, докладов и бесед⁵⁸. Видимо, в связи с этим Кривунец решил, что его функции не сводятся к руководству политчастью лагеря. В начале 1942 г. он еще «считался с тем, что Соколов не работал в воинских частях, не знает положения о комиссарах»⁵⁹, а затем ставил ему в вину, что комиссара не допускают к хозяйственным, финансовым и кадровым вопросам. Соколов таких амбиций понять не мог: «зачем тебе подбор кадров для управления лагеря, ты занимайся политработой, а всем остальным я сам буду заниматься»⁶⁰. От объема прав комиссара зависел и режим для заключенных, и общий облик лагеря. Кривунец, видимо, хотел приблизить его к порядкам запасной дивизии, в то время как Соколов ему «доказывал, что это лагерь, а не воинская часть, и что дисциплины здесь такой, как в воинской части, не будет»⁶¹.

В затяжном споре о полномочиях и сущности Колтубанского ПФЛ победа была на стороне его начальника, а жалобы комиссара не оказывали эффекта. Однако когда Соколова сняли с должности, то та же участь вскоре постигла и Кривунца, отправившегося на должность политрука лагерного участка в Сталиногорский ПФЛ № 283. Его место занял старший политрук А. В. Чибряков, а вскоре, как и в армии, должность комиссара была упразднена, и он стал заместителем начальника лаге-

⁵⁵ Политдонесение за II квартал 1942 г. // ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Л. 19.

⁵⁶ Донесение комиссара лагеря в УПВИ, апрель 1942 г. // Там же. Л. 32–34.

⁵⁷ Донесение комиссара лагеря в УПВИ, 5.7.1942 // Там же Л. 40.

⁵⁸ Указание НКВД лагерю, 6.4.1942 // Там же. Д. 19. Л. 14.

⁵⁹ Донесение комиссара лагеря в УПВИ, апрель 1942 г. // Там же. Д. 7. Л. 32–34.

⁶⁰ Сообщение комиссара лагеря в УПВИ, 22.8.1942 // Там же. Л. 71–71 об.

⁶¹ Там же.

ря по политической части. Разницы в понимании служебных обязанностей у него и нового начальника лагеря Фролова не возникло.

Смена руководства привела к активизации прокурора лагеря. В отличие от комиссаров, представители прокуратуры работали во многих лагерях НКВД. Формально они контролировали законность действий чекистов, но их реальный статус был невысоким, и влияния на жизнь исправительно-трудовых лагерей они обычно не имели. Схожая ситуация сложилась и в ПФЛ. При их создании в 1942 г. прокуроров в ряде лагерей не было⁶², а УПВИ планировало отправить прокурору СССР дислокацию всех фильтрационных лагерей только в мае 1943 г.⁶³ Серьезная попытка Главной военной прокуратуры вмешаться в работу ПФЛ относится только к сентябрю 1944 г., когда в лагерях потребовали снять режимные ограничения с прошедших проверку, а бывших пленных и окруженцев, зачисленных в штаты, отправить в военкоматы⁶⁴. Добиться выполнения этих распоряжений прокуратуре не удалось.

Из документов видно, что на уровне отдельных ПФЛ прокуроры могли активно участвовать в ревизии финансовой деятельности⁶⁵, не санкционировать арест проверяемых⁶⁶, передавать дела на совершивших проступки сотрудников лагеря в УНКВД⁶⁷, требовать освобождения из лагеря давно прошедших проверку⁶⁸. Но, видимо, речь идет о единичных случаях, и серьезного контроля над работниками НКВД у лагерных прокуроров не было. Однако в Колтубанке военный юрист Малишевский после смены комиссара и начальника лагеря стал докладывать новому начальнику о проблемах с горючим и лошадьми, увольнении вахтера со склада, пожаре на кухне и противопожарных средствах, а также о долгом содержании арестованных во внутрилагерной тюрьме⁶⁹. Как видно, только часть из этих вопросов находилась в его прямой компетенции. Нарочито запоздалые и сухие ответы начальника лагеря не остудили пыл прокурора. С ним начинают согласовывать, очевидно вынужденно, различные вопросы лагерной жизни. Затем он уже сам требует сведения о работе лагеря, вызывает к себе работников и даже отправляет их в командировки. К середине апреля 1943 г. прокурор почувствовал себя настолько уверенно, что принялся за исполнение и своих прямых обязанностей. Он стал

⁶² Докладная записка о командировке в рязанские спецлагеря НКВД. 3 марта 1942 г. // Военно-исторический архив. 2004. № 1. С. 161.

⁶³ План работы УПВИ на май 1943 г. // Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 1п. Оп. 10в. Д. 15. Л. 321.

⁶⁴ Сообщение начальника отдела спецлагерей Н. И. Шитикова заместителю наркома внутренних дел В. В. Чернышову, сентябрь 1944 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 29. Л. 15.

⁶⁵ Сообщение УНКВД по Рязанской области военному прокурору Рязанского спецлагеря № 178, 2.4.1943 // РГВА. Ф. 1п. Оп. 1ж. Д. 5. Л. 36.

⁶⁶ Сообщение старшего оперуполномоченного спецлагеря № 0201 начальнику оперативного отдела УНКВД Московской области, 11.5.1944 // Центральный государственный архив Московской области. Ф. 4611. Оп. 6. Д. 6. Л. 4.

⁶⁷ Сообщение начальника Феодосийского спецлагеря № 0187 начальнику отдела спецлагерей, 4.10.1944 // ГАРФ. Ф. 9408. Оп. 1. Д. 12. Л. 38–38 об.

⁶⁸ Шевченко В. В. Деятельность лагерей специального назначения... С. 136.

⁶⁹ Сообщение прокурора начальнику лагеря, 3.11.1942 // ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 6. Л. 29–30; Сообщение прокурора начальнику лагеря, 4.11.1942 // Там же. Л. 31; Сообщение прокурора начальнику лагеря, 11.11.1942 // Там же. Л. 34; Сообщение прокурора начальнику лагеря, 11.11.1942 // Там же. Л. 50.

угрожать донести в УПВИ на заместителя начальника лагеря, если тот не прекратит использовать двух заключенных «для производства хозяйственных работ личного порядка» и не запретит делать это начальнику особого отдела⁷⁰.

За две недели до этого начальник лагеря первым пожаловался на него в УПВИ. Он сообщал о том, что из-за отсутствия положения о прокуроре возникают «недо-разумения на почве вмешательства прокурора в административные и хозяйствен-ные функции» и что прокурор руководствуется приказами не НКВД, а военного округа⁷¹. Таким образом, хотя и не так выражено, как комиссар, прокурор уси-ливал в фильтрационном лагере черты воинской части. Ответ УПВИ разъяснял, что прокурор должен заниматься не вопросами управления и ограничивать на-чальника лагеря, а «осуществлять общий надзор за точным исполнением законов и распоряжений, определяющих порядок содержания бывших военнослужащих»⁷². В то же время Фролову дали понять, что убрать ретивого прокурора они не в силах и конфликт нужно свернуть: «Установите с прокурором полный контакт в работе по борьбе с преступностью в лагере и с нарушениями законов»⁷³.

Разница интересов между двумя другими частями руководства лагеря более типична для ПФЛ. Особые отделы НКВД, весной 1943 г. преобразованные в Отде-ления Смерша Наркомата обороны, всегда вели фильтрацию, подчиняясь собствен-ному начальству. Начальник лагеря не имел над ними власти и не отвечал за ход проверки, что не исключало конфликтов, как правило связанных с затруднением проверки при массовом трудовом использовании заключенных. Специфика Кол-тубанского ПФЛ состояла в том, что их труд нигде, кроме подсобного хозяйства, организовать не удалось даже в 1943 г. Также в лагере большую часть его истории отсутствовал оперативный отдел — подчиненные начальнику лагеря оперативные работники и следователи, занятые надзором за заключенными и выявлением злоу-потреблений среди личного состава.

Особый отдел (Смерш) мог отказаться дополнительно брать на себя функции оперативного. Однако в Колтубанке мы видим его активную работу. Именно осо-бисты арестовали работников хозяйственной части в конце августа — начале сен-тября 1942 г.⁷⁴ Очевидно, что такая активность чекистов руководству лагеря нра-вилась не всегда, так же как и их представление о себе как о привилегированной группе (например, они могли жаловаться, что при выдаче продуктов со склада сле-дователь особого отдела не был обеспечен в первую очередь)⁷⁵. Недовольство чван-ливостью и антикоррупционной деятельностью, возможно, проявилось в том, что особый отдел решил загрузить работой по борьбе со злоупотреблениями среди заключенных. Обычно в других фильтрационных лагерях особистам передавались дела тех, чьи нарушения могли свидетельствовать о скрываемом прошлом: попыт-ки самоубийств или побегов, организация группового сопротивления, политиче-

⁷⁰ Сообщение прокурора заместителю начальника лагеря Межеричеру, 14.4.1943 // ГАБО. Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 24. Л. 18.

⁷¹ Сообщение начальника лагеря начальнику УПВИ, 26.3.1943 // Там же. Д. 21. Л. 46.

⁷² Ответ УПВИ начальнику Колтубанского лагеря, 14.4.1943 // Там же. Л. 84–84 об.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Приказ начальника лагеря, 23.8.1942 // Там же. Д. 4. Л. 9; Приказ начальника лагеря, 4.9.1942 // Там же. Д. 4. Л. 12.

⁷⁵ Отчет о политработе и политико-моральном состоянии среди личного состава за III квар-тал 1942 г. // Там же. Д. 7. Л. 108.

ские высказывания. В сентябре же 1942 г. особый отдел должен был разбираться с тремя похитителями сахара из столовой и одним укравшим газеты из подшивки политотдела⁷⁶.

После смены руководства лагеря осенью 1942 г. особый отдел, кажется, только усилил давление. Они стали требовать от Фролова отчета о том, как он наказал ответственных за тяжелое бытовое положение женщин в лагере и плохое состояние лошадей⁷⁷. Открытый конфликт в декабре 1942 г. произошел вокруг права распоряжаться лагерной тюрьмой. Начальник особого отдела без ведома начальника лагеря поместил туда трех «посторонних», арестованных в 45-й запасной стрелковой бригаде. За это Фролов наложил на начальника тюрьмы взыскание. В ответ начальник особого отдела запретил начальнику лагеря посещать тюрьму без его ведома. Начальник УПВИ П. К. Сопруненко был возмущен («впервые такое слышу») таким ограничением власти начальника лагеря, но вскоре был смещен со своей должности⁷⁸. Только в июне 1943 г. УПВИ разъяснило лагерю, что тюрьма полностью подчинена отделению Смерша, которое может сажать в нее людей и освобождать из нее без одобрения начальника лагеря⁷⁹.

Вокруг трудового использования заключенных непонимание у руководства лагеря возникло не с osobистами, а с конвойной ротой. В марте 1943 г. она была готова вне лагеря охранять занятых заготовкой дров, но не выполнявших другие работы. Также конвойная рота отказалась конвоировать арестованных из тюрьмы на суд военного трибунала, а осужденных — в тюрьму Бузулука⁸⁰. Причиной конфликта, видимо, вновь был не до конца определенный статус фильтрационных лагерей. Так, в мае 1942 г. в Радинском ПФЛ № 188 конвойная рота отказалась показывать начальнику лагеря план охраны и дислокации постов. Начальник батальона, куда входила конвойная рота, поддержал подчиненных: «...план охраны и дислокации постов являются секретными и оперативными документами, и тов. М. правильно поступил, не разглашая секрета охраны». В лагере признали, что командир роты не подчиняется начальнику лагеря, но высказали недоумение, так как за побеги заключенных отвечать будут они, а не конвой. Ни одна сторона не знала, являются ли ее действия правильными, и лагерь запросил УПВИ о существовании инструкции об отношениях ПФЛ и конвойных войск⁸¹.

Заключение

На работу в Колтубанский ПФЛ были мобилизованы люди разных судеб: мужчины и женщины, от малограмотных до имевших высшее образование, преимуще-

⁷⁶ Приказ начальника лагеря, 3.9.1942 // Там же. Д. 4. Л. 11 об.; Приказ начальника лагеря, 15.9.1942 // Там же. Л. 14 об.

⁷⁷ Донесение особого отдела начальнику лагеря, 14.10.1942 // Там же. Д. 6. Л. 22; Донесение особого отдела начальнику лагеря, октябрь 1942 г. // Там же. Л. 48; Переписка особого отдела с начальником лагеря о наказании ответственных за состояние конского поголовья, 6.10–10.11.1942 // Там же. Д. 6. Л. 51–54.

⁷⁸ Ответ УПВИ начальнику Колтубанского лагеря, 12.12.1942 // Там же. Д. 17. Л. 207.

⁷⁹ Ответ УПВИ на телеграмму начальника Колтубанского лагеря, 28.6.1943 // Там же. Д. 22.

⁸⁰ Сообщение начальника лагеря в УПВИ, 16.3.1943 // Там же. Д. 21. Л. 39.

⁸¹ Донесение Радинского спецлагеря в УПВИ, 23.5.1942 // Государственный архив Тамбовской области. Ф. Р-3444. Д. 10. Л. 34–34 об.

ственно из Бузулукского района и Чкаловской области, но также из занятых немцами территорий и советской Средней Азии. Рядовым сотрудникам пришлось жить и обустраивать семьи в только строящемся, удаленном от цивилизации лагере. Им было не совсем ясно, как относиться к заключенным.

Прошедших проверку не брали на работу в лагерь до весны 1943 г., что должно было усилить отчуждение. С другой стороны, жизненные условия рядовых работников и проходящих фильтрацию были довольно близки. Помимо этого, как и бывшие пленные, часть сотрудников лагеря хотела попасть на фронт. Самым частым сценарием коммуникации между охранниками и заключенными стала торговля. Свидетельств об осуществляемых помимо нее личных связях крайне мало, а информация о негативном отношении и конфликтах с заключенными практически отсутствует. В материалах других ПФЛ, где прошедшие проверку набирались в постоянный штат, конфликты фиксировались гораздо чаще. Похоже, что размывание статуса заключенного (который мог быть будущим охранником) не сокращало, а увеличивало трения между проходящими проверку и работниками НКВД. Более четкое понимание своего текущего положения и перспектив, вероятно, сокращало число спорных ситуаций и конфликтов с охранниками.

Руководство Колтубанского лагеря могло беспокоиться о других проблемах, связанных со спецификой фильтрационных лагерей: где проходят границы ответственности хозяйственной администрации, особого отдела, комиссара и прокурора лагеря, и что делать, если их сферы деятельности пересекаются. Борьба за влияние сопровождалась поиском компромата друг на друга. Благодаря жалобам в вышестоящие инстанции мы знаем о коррупции в Колтубанском лагере больше, чем в других ПФЛ, особенно о злоупотреблениях руководителей среднего звена. Очевидно, что этому способствовало как скудное снабжение лагеря, так и понимание, что он работает только пока идет фильтрация, а после будет закрыт ввиду бесполезности. Интересно, что в хищениях не были замечены руководители лагеря, а рядовые работники предпочитали наживаться на торговле с заключенными, а не на прямом воровстве. Возможно, в связи с тем, что красть в нищем лагере было нечего, такая возможность появлялась только у руководителей. В любом случае эти данные позволяют уверенно говорить о высоком уровне коррупции во всей системе ПФЛ, значительная часть которой приходилась на среднее звено управления.

Уникальные сведения архивный фонд Колтубанского ПФЛ дает о конфликтах внутри руководства лагеря. Противостояние по линии начальник лагеря — особый отдел типично, но обычно связывается с трудовым использованием заключенных. В Колтубанке же оно началось с чувства превосходства особистов над остальными работниками и желания принимать участие в управлении лагерем. Видимо, так они пытались гарантировать себе нормальные бытовые условия при острой нехватке в лагере материальных ресурсов (долгое время особый отдел работал в помещении прачечной). Отсюда вытекает и их борьба с коррупцией, приведшая к противостоянию с первым начальником лагеря.

Конфликт начальника лагеря с его комиссаром, а затем прокурором строился вокруг претензий последних на управление лагерем, но также и вокруг сути фильтрационных лагерей. На момент создания они обладали признаками как ИТЛ, так и воинских частей. Роль комиссара в Колтубанке могла свестись только к организации агитационной работы среди личного состава и заключенных, сбору данных

об их настроениях и поведении. По такому пути пошло большинство комиссаров в ПФЛ, другие же были номинальными фигурами и не выполняли никаких функций. Случай Кривунца говорит о существовании третьего типа комиссара, претендующего на полный контроль над жизнью лагеря, который должен больше напоминать воинскую часть.

Такое понимание сути ПФЛ говорит о возможных альтернативах в развитии системы фильтрации. После первых успешных опытов в 1942 г., с весны — лета 1943 г., УПВИ начнет массовое трудовое использование бывших военнослужащих в ПФЛ, что приблизит их быт к жизни заключенных ИТЛ. Хотя победа этой линии сегодня кажется неизбежной, в 1942 г. и первой половине 1943 г. такой исход еще не был предрешен. Как видно по конфликтам комиссара и прокурора с начальниками Колтубанского лагеря, на ликвидацию понимания ПФЛ как особой воинской части требовалось время. Возможно, что быстрая фильтрация сохранила бы приоритет над трудовым использованием бывших пленных и окруженцев в 1943–1945 гг., если бы Наркомат обороны проявил больше внимания к их судьбе в 1942 г.

В конечном итоге идея проверять пленных вне структур НКВД реализовалась в конце войны. Хотя в период репатриации их, согласно ведомственной логике, продолжали отправлять в ПФЛ, центр в своих директивах четко придерживался линии Кривунца. В ноябре 1944 г. было принято постановление Государственного комитета обороны вести фильтрацию репатриантов из бывших пленных в отдельных запасных частях Наркомата обороны, а с августа 1945 г. ликвидация ПФЛ сопровождалась созданием из оставшегося контингента подчиненных промышленным наркоматам рабочих батальонов⁸².

References

- Berkhoff K. C. *Motherland in danger: Soviet propaganda during World War II*. Cambridge, Harvard University Press, 2012, 407 p.
- Foucault P.-M. *Surveiller et punir: naissance de la prison*. Rus. ed. Moscow, Ad Marginem Publ., 2016, 416 p. (In Russian)
- Goffman E. *Asylums: Essays on the Social Situation of Mental Patients and Other Inmates*. Rus. ed. Moscow, Elementarnye formy Publ., 2019, 464 p.
- Haslam S. A., Reicher S. D. Rethinking the psychology of tyranny: The BBC prison study. *British Journal of Social Psychology*, 2006, no. 45, pp. 1–40.
- Latyshev A. V. “Schastliv tot, kto ne popal siuda”: nastroeniia i povedenie voennosluzhashchikh Krasnoi armii v fil’tratsionnykh lageriakh NKVD, 1942–1945 gg. *Rossiiskaia istoriia*, 2019, no. 5, pp. 59–74. (In Russian)
- Latyshev A. V. Otnoshenie sotrudnikov NKVD i rabotnikov promyshlennosti k uznikam fil’tratsionnykh lagerei, 1942–1945 gg. *Noveishaia istoriia Rossii*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 595–608. (In Russian)
- Latyshev A. V. Rabota fil’tratsionnykh lagerei NKVD v 1942 g.: vliianie ekonomicheskikh faktorov i vedomstvennykh interesov. *Voprosy istorii*, 2019, no. 2, pp. 36–48. (In Russian)
- Leibovich O. L. Lagernyi sotsium kak ob’ekt issledovaniia: istochniki i metodologicheskie podkhody. *Prinuditel’nyi trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamiat’*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013, pp. 338–350. (In Russian)
- Obukhov L. A. Proverochno-fil’tratsionnye lageria kak odin iz vidov repressii (na primere PFL No. 0302). *Puti k Pobede. Chelovek, obshchestvo, gosudarstvo v gody Velikoi Otechestvennoi voiny*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2021, pp. 554–562. (In Russian)

⁸² Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. С. 30–31, 235–238.

- Plamper Ia. Gulag Fuko. *Zvezda*, 2004, no. 8, pp. 195–205. (In Russian)
- Shevchenko V. V. *Deiatel'nost' lagerei spetsial'nogo naznacheniiia NKVD SSSR v 1941–1946 gg.*: PhD diss. (History). Volgograd, [s. n.], 2010, 223 p. (In Russian)
- Shevchenko V. V. Rezhim sodержaniia byvshikh voennosluzhashchikh v spetslageriakh v 1942–1946 godakh. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia 4: Istoriiia. Regionovedenie. Mezh-dunarodnye otnosheniia*, 2010, no. 2, pp. 38–43. (In Russian)
- Zemskov V. N. *Vozvrashchenie sovetskikh peremeshchennykh lits v SSSR. 1944–1952 gg.* Moscow, St Petersburg, IVI RAN Press, 2016, 422 p. (In Russian)
- Zimbardo F. *The Lucifer Effect: Understanding How Good People Turn Evil*. Rus. ed. Moscow, Alpina non-fiction Publ., 2018, 740 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 17 сентября 2022 г.

Рекомендована к печати 30 января 2023 г.

Received: September 17, 2022

Accepted: January 30, 2023